

Памяти Сергея Параджанова «ПРОЩАЙ, СВОБОДНАЯ СТИХИЯ»

Я приняла весть и убрала лицо в ладони. Не то чтобы я хотела утаить лицо от людей: им не было до меня дела, ведь это было на берегу моря, люди купались, смеялись, пререкались, покупали разные предметы, покрикивали на детей, возбужденных припеком юга и всеми его соблазнами, так или иначе не вполне дозволенными. Я услышала сильную, совершенную тишину. Неужели дети и родители наконец послушались друг друга? Нет, просто слух мой на какое-то время стал невменяем, а внутри стройно звучало: «Прощай, свободная стихия...» Пора домой, на Север, но звучание это, прозрачной музыкой обитающее в уме, на этот раз, наверное, относилось к другому прощанию. Среди людей и детей, вблизи или вдалеке от этого чудного бедного моря, где погибают дельфины, я никогда не встречала столь свободного человека, каким был и пребудет Сергей Параджанов.

Я еще сижу, закрыв лицо руками, у меня еще есть время видеть то, что вижу. Вот я в Тбилиси, поднимаюсь круто вверх, на улицу Котэ Месхи. Я знаю, что не застану обитателя комнаты и веранды, он опять в тюрьме, он виноват в том, что — свободен. Он не умещается в предложенные нам обстоятельства, он вольный художник, этой волей он заполняет пространство и тем теснит притеснителей, не знающих, что это они — обитатели той темницы, где нет света, добра, красоты. Нечто в этом роде тогда я написала в единственном экземпляре, лучше и точнее, чем сейчас. Письмо в его защиту: просьба, мольба, заклинание... Может быть, оно сохранено. Вот опять я поднимаюсь в обожяемое место любимого города, а сверху уже раздаются приветственные крики, сам по себе накрывается самобраный стол, на всех людей, на меня, на детей моих и других сыплются, сыплются насильные и нежные подарки, все, что под руку попадает. А под руку попадает то, что или содеяно его рукой, или волшебным одушевлено ее прикосновением. При нем

нет мертвых вещей. Скажем: крышечки из фольги для молочных и кефирных бутылок, небдительно выкинутые лагерными надзирателями. А на них выравнены портреты товарищей по заключению: краткие, яркие, убедительные образы. Дарил он не крышечки эти, для меня драгоценные, все дарил всем, и все это было изделием его души, фантазии, безупречного и безграничного артистизма, который трудно назвать рукоделием, но высшая изысканность, известная мне, — дело его рук. Избранник, сам подарок нам, — все непременно даритель. Столь предаваясь печали, застаю на своем лице улыбку. Он и меня однажды подарил: взял на руки и опустил в окно квартиры, где сидела прекрасная большая собака. Она как-то смутилась и потупилась при вторжении подарка. Через некоторое время, открыв ключом дверь, вошли хозяева. Собака и я сидели с одинаково виноватым выражением. Хозяева нисколько не удивились и стали накрывать на стол. Параджанов недалеким соседом приходился им, и все это было в Тбилиси. Я имела счастье видеть его в Грузии, Армении и в Москве, где всегда жестко и четко меня осеняла боль предчувствия и предзнания. К чувству и знанию боли мне еще предстоит притерпеться.

Параджанов не только сотворил свое собственное кино, не похожее на другое кино и ни на что другое. Он сам был кинематограф в непостижимом идеале или лучше сказать: театр, в высочайшей степени благородства влияющий даже на непонятливых зрителей.

Вот поднимаю лицо. Все так, как следует быть. Люди купаются, пререкаются, покупают, прикрикивают на кричащих от радости детей. Да будут они благословенны! Я все слышу, но глаза видят препону влаги. Между тем — прямо перед ними ярко и хрупко алеет цветок граната. «Цвет граната» — это другое. Но здесь сейчас еще цветет гранат.

Белла АХМАДУЛИНА

Лит. газ. - 1990. - 1 августа (№ 91). - С. 7